

«ДОБРОСОСЕДСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ» КИТАЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

© 2017 Я. ЛЕКСЮТИНА

В статье представлен анализ «добрососедской дипломатии» Китая как комплекса мер, направленных на гармонизацию отношений Пекина с сопредельными государствами, и утверждение Китая в роли регионального лидера. В фокусе внимания статьи находится период с 2013 г., когда за «добрососедской дипломатией» в Китае был де-факто закреплён статус особого направления внешнеполитической деятельности и дан старт второй волне стратегии «наступление очарованием». Охарактеризованы меры, принимаемые Пекином в русле экономической и публичной дипломатии в целях сближения со странами Восточной Азии, а также продемонстрировано ужесточение внешнеполитической линии Китая в территориальных спорах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Сделан вывод о том, что для «добрососедской дипломатии» современного Китая характерно сочетание поощрительных мер и мер прямого и опосредованного давления, что затрудняет достижение Пекином искомых результатов.

Ключевые слова: Китай, «добрососедская дипломатия», «периферийная дипломатия», «наступление очарованием», возвышение Китая, Восточная Азия, Южно-Китайское море

CHINA'S "NEIGHBORING DIPLOMACY" IN EAST ASIA

Yana V. LEKSYUTINA, Dr.Sc. (Political Sciences), Associate professor, Department of American Studies, Saint-Petersburg State University (lexyana@ya.ru)

This article provides an in-depth analysis of Beijing's "neighboring diplomacy" which is aimed at harmonizing China's relations with its neighbors and assertion of its role as a regional leader. The article concludes that China's "neighboring diplomacy" towards some of its neighbors simultaneously incorporates two contradicting approaches: economic and diplomatic engagement with neighboring countries, but growing pressure on them in territorial disputes. By doing so, Beijing is sending mixed signals to its near-abroad countries, which leads to the deterioration of China's regional image. Under the circumstances of implementation of these two contradicting approaches, China's "charm offensive" doesn't work the way Beijing intends it to.

Keywords: China, "neighboring diplomacy", "peripheral diplomacy", "charm offensive", China's rise, East Asia, South China Sea

В последние несколько лет в связи со значительным усилением комплексной национальной мощи Китая, а также ввиду осложнения обстановки в ближнем окружении Китая, внешнеполитический инструментарий и подходы Пекина в отношении его ближайших соседей подвергаются пересмотру.

При этом наблюдаются две противостоящие друг другу тенденции: с одной стороны, Пекин, обладающий теперь более обширными ресурсами для проецирования своей мощи и реализации национальных интересов, усиливает давление на сопредельные страны в территориальных спорах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а с другой - аккумулировав внушительные финансовые активы, широко прибегает к экономической и публичной дипломатии в целях налаживания более тесных отношений с сопредельными государствами.

В 2013 г. в китайской внешнеполитической до-

ктрине появляется специальное понятие «добрососедская дипломатия» («чжоубянь вайцзяо»)**, под которым подразумевается сложный многоуровневый комплекс мер, направленных на гармонизацию отношений Пекина с сопредельными государствами в новых условиях значительно усилившегося Китая.

Необходимость корректировки внешнеполитического курса в отношении соседей и закрепление за развитием отношений с сопредельными странами статуса особого направления внешнеполитической деятельности - «добрососедской дипломатии» - были вызваны ухудшением отноше-

ЛЕКСЮТИНА Яна Валерьевна, доктор политических наук, доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. РФ, 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 8 под. (lexyana@ya.ru)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016 а(ф).

** В некоторых исследовательских работах «чжоубянь вайцзяо» переводится как «периферийная дипломатия» или «соседская дипломатия» (прим. авт.).

ний Китая с сопредельными странами ввиду обострившихся территориальных противоречий в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях и, как следствие, всплеском напряженности в регионе и беспрецедентным с начала 1990-х гг. резким осложнением дипломатического положения Китая в ближнем окружении [1, р. 107].

Известный китайский ученый-международник Юань Пэн охарактеризовал сложившуюся в отношениях между Китаем и его соседями ситуацию как достигшую исторического пика в смысле ее сложности [2, р. 31]. Другой авторитетный китайский исследователь, Янь Сюэтунь, в опубликованной в январе 2015 г. в *China Daily* аларистской статье поднимает вопрос о том, что важнее для Китая: развитие отношений с США, взаимодействие с которыми уже долгое время считается главным приоритетом в Пекине, или с соседями [3]. Приводя целый ряд весомых аргументов, Янь Сюэтунь однозначно отдает предпочтение приоритетности отношений с соседями.

Такая постановка вопроса Янь Сюэтуном не случайна: ведь с конца 1990-х гг. развитие отношений с соседними странами перестало быть приоритетным для китайского руководства, стремившегося представить Китай в качестве державы мирового уровня, заинтересованной в налаживании отношений, в первую очередь, с ведущими государствами мира и, в особенности, с США.

Однако драматическое осложнение ситуации в ближнем окружении Китая, когда, начиная с 2010 гг., отношения Пекина с некоторыми соседними странами стали сильно ухудшаться, побудило и академические, и политические круги китайского общества сфокусировать свое внимание на проблематике развития отношений с сопредельными странами. Китайские ученые-международники стали интенсивно заниматься вопросами развития отношений с сопредельными Китаю странами, рассматривая гармонизацию этих отношений в качестве важного залога дальнейшего возвышения Китая.

Так, например, заместитель директора Китайского института исследований современных международных отношений Цзи Чжэнь считает поддержку со стороны сопредельных стран незаменимой при изменении статуса Китая с региональной до глобальной державы [4, р. 1]. Директор Института Азиатско-Тихоокеанских исследований Китайской академии общественных наук Ли Сян'ян к целям «добрососедской дипломатии» относит создание благоприятного для устойчивого экономического развития ближнего окружения, поддержание мирной обстановки в регионе, увеличение глобального политического влияния Китая, поощрение крепнущих торгово-экономических отношений Китая с азиатскими странами, продвижение центральной роли Китая в азиатской экономике и политическом порядке, и в целом - планомерную трансформацию Китая из регио-

нальной в зрелую глобальную великую державу [5, р. 71]. Иными словами, будущее Китая как глобальной державы стали увязывать с успешностью его политики в отношении соседних стран.

Возрастающая обеспокоенность относительно ухудшения обстановки в ближнем окружении Китая стала проявляться со стороны китайского руководства. В октябре 2013 г. в Пекине было проведено Центральное совещание по работе в области внешнеполитической деятельности, специально посвященное вопросам взаимодействия с сопредельными странами. Неординарность этого события состояла в том, что предыдущее подобное совещание проводилось только в 2006 г. и касалось внешнеполитической деятельности в целом, совещаний же по вопросам политики добрососедства Пекином ранее не проводилось. Более того, за всю историю существования КНР это было 4-е по счету Центральное совещание по работе в области внешнеполитической деятельности КПК [6, р. 45]. Показательно и то, что из 22 стран, которые председатель КНР Си Цзиньпин и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян посетили с официальными визитами в течение первого года их нахождения на высших государственных постах, 12 - были соседними.

Начиная с 2013 г. Пекин начинает уделять пристальное внимание развитию отношений с сопредельными странами, дав старт второй волне стратегии «наступление очарованием»*.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ С СОПРЕДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ

В содержательном плане «добрососедская дипломатия» Китая представляет собой сочетание традиционной дипломатии, экономической дипломатии** (в форме экономического поощрения) и публичной дипломатии применительно к соседям Китая. Основными целями «добрососедской дипломатии» выступают обеспечение мирной стабильной внешней обстановки в окружении Китая, защита государственного суверенитета, а также содействие достижению задач «двух столетних юбилеев» и реализации «китайской мечты» [7, р. 62].

В русле *традиционной дипломатии* Китай ин-

* Комплекс мер, направленных на построение добрососедских отношений с сопредельными странами, в англоязычной экспертной литературе получил специальное наименование «charm offensive», в переводе — «наступление очарованием». Первая волна стратегии «наступление очарованием» продолжалась с 1997 по 2007 гг. (прим. авт.).

** Под экономической дипломатией понимается использование экономических инструментов и возможностей государства в целях реализации его национальных интересов и достижения внешнеполитических целей. Она может реализовываться как ввиду экономического поощрения или вознаграждения, так и в форме принуждения или наказания, чаще всего принимающего форму экономических санкций (прим. авт.).

тенсифицирует взаимодействие с сопредельными странами как в двустороннем, так и многостороннем формате в рамках международных организаций, форумов и объединений. Характерной чертой внешнеполитической деятельности современного Китая стало увеличение числа официальных визитов высокопоставленных лиц Китая в соседние страны. Двусторонние контакты диверсифицируются, включая взаимодействие не только по государственной и партийной линиям, но и межпарламентские контакты и пр.

Активно реализуемая Пекином *экономическая дипломатия* включает такие меры, как стимулирование внешней торговли с сопредельными странами (посредством, например, введения специальных преференциальных режимов в торговле с ними как на двусторонней, так и многосторонней основе), расширение масштабов использования китайской национальной валюты во взаиморасчетах, увеличение капиталовложений и оказание помощи развитию соседних стран, включая содействие им в реализации крупных инфраструктурных проектов.

Посредством экономической дипломатии Пекин преследует цель упрочить торгово-экономические связи с соответствующими государствами, наладить с ними более тесные политические контакты, улучшить региональный и международный имидж Китая и, что самое важное, - создать такую сильную экономическую зависимость стран региона от Китая, которая усилит потенциал его политического влияния на них, тем самым облегчив Пекину реализацию его национальных интересов.

По мере экономического развития Китая, накопления финансовых ресурсов, интеграции в мирохозяйственные связи китайское руководство стало все активнее прибегать к экономической дипломатии. Так, например, с 2003 г. Китай стал инициировать и заключать соглашения, предполагающие создание специальных преференциальных режимов в торговле со странами мира и, в т.ч. создание зон свободной торговли (ЗСТ). Наиболее масштабной стала функционирующая с 2010 г. Зона свободной торговли КНР - АСЕАН (КАФТА).

С 2004-2005 гг., когда Пекином были аккумулированы значительные финансовые ресурсы, в полной мере стала реализовываться государственная стратегия «выход вовне», направленная на стимулирование китайских зарубежных капиталовложений. Примерно в то же время стали расширяться масштабы помощи, оказываемой Китаем развивающимся странам. С 2008 г. Китай приступил к расширению международного и, в т.ч., регионального использования своей национальной валюты (во внешнеторговых операциях и инвестициях Китая за рубежом).

Благодаря целенаправленной политике китайского руководства масштаб торговли Китая с со-

предельными странами существенно увеличился, как по показателям валового объема товарооборота, так и доли Китая во внешней торговле соответствующих государств со странами мира. Так, в 2016 г. Китай был крупнейшим торговым партнером подавляющего большинства стран Восточной Азии: Японии, Монголии, Северной Кореи, Вьетнама, Индонезии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда, Камбоджи и Малайзии [8].

Темпы роста китайских инвестиций в национальные экономики Юго-Восточной Азии также значительны. За период с 2003 по 2010 гг. прямые накопленные инвестиции Китая в странах АСЕАН возросли с \$0,6 млрд (1,8% всех накопленных китайских инвестиций в мире) до \$14,4 млрд (4,5%) [9]. Однако по сравнению с инвестициями других мировых экономик в страны АСЕАН масштабы китайских инвестиций пока невелики: на Китай приходилось 6,8% всех зарубежных инвестиций, поступивших в страны Юго-Восточной Азии в 2015 г., в то время как доля ЕС составляла 16,7%, Японии - 14,5%, а США - 11,3% [10].

Неотъемлемой частью стратегии Китая по налаживанию связей с сопредельными странами также стало предоставление им широкомасштабной помощи. По некоторым оценкам, ныне Китай служит одним из крупнейших источников экономической помощи странам Юго-Восточной Азии [11, р. 14]. Пекин выступил с инициативой, направленной на поддержку инфраструктурных проектов в странах Юго-Восточной Азии и предусматривавшей создание Фонда инвестиционного сотрудничества Китай - АСЕАН в размере \$10 млрд, а также предоставление АСЕАН кредитов общей суммой \$15 млрд, из которых \$6,7 млрд планировалось выделить в форме льготных кредитов [12]. Упор на финансирование крупных инфраструктурных проектов в регионе, предоставление щедрой помощи и, в целом, демонстрация высоких экономических выгод, которые сулит развитие отношений с Китаем, стали характерными чертами политики Пекина по расширению своего влияния в Юго-Восточной Азии (ЮВА).

В дополнение к экономической дипломатии с начала XXI в. во внешнеполитическом инструментарии Пекина важную роль стала играть *публичная дипломатия*, нацеленная на формирование положительного образа Китая среди соседей. Она включает мероприятия по расширению присутствия китайских СМИ в информационном пространстве соседних стран, привлечению все большего числа иностранных студентов из соседних стран к обучению в Китае, равно как и мероприятия по расширению в регионе географии и численности Институтов Конфуция и пр.

Как упоминалось ранее, повышенное внимание задаче гармонизации отношений с сопредельными странами Пекином стало уделяться с 2013 г. Именно тогда ввиду стремительно углублявшихся

противоречий в территориальных спорах с соседями (с группой стран ЮВА и Японией относительно принадлежности акватории и островов Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, соответственно) в дополнение к уже предпринимавшимся усилиям и инициативам китайское руководство Си Цзиньпина приняло серию мер, направленных на укрепление добрососедских отношений, расширение влияния и восстановление имиджа Китая в регионе, дав старт второй волне стратегии «наступление очарованием».

В течение 2013 г. Пекин, руководствуясь задачей гармонизации отношений с соседями, интенсифицировал дипломатическую активность, усилил экономическую дипломатию и предложил странам региона ряд крупных привлекательных экономических проектов. Так, в начале сентября 2013 г. была широко анонсирована китайская мегаинициатива на евразийском пространстве «Экономический пояс Шелкового пути», в которой особая роль отводится углублению сотрудничества Китая с центральноазиатскими соседями и Россией. В октябре 2013 г. в ходе встреч с лидерами АТЭС и Восточноазиатского саммита китайская сторона выдвинула серию инициатив в области торговли и инфраструктурного развития региона. Пекин создал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также обозначил намерение увеличить товарооборот с АСЕАН с текущего уровня в \$400 млрд до \$1 трлн к 2020 г. [13].

Тогда же в ходе своих выступлений перед парламентами Таиланда и Индонезии Си Цзиньпин презентовал стратегическую концепцию Сообщества общей судьбы Китай - АСЕАН и проект создания «Морского шелкового пути XXI в.», предусматривающий строительство портов и развитие морского сообщения Китая со странами Юго-Восточной Азии и Индийского океана. В 2014 г. был выдвинут и ряд субрегиональных инициатив, таких как, например, создание экономического коридора Китай - Бангладеш - Индия - Мьянма и налаживание механизма диалога и сотрудничества стран бассейна Ланьцанцзян - Меконг.

Китай также интенсифицировал свои усилия в направлении создания обширной зоны свободной торговли, которая бы связывала экономики Китая и АТР (в известном смысле в противовес тогдашней американской интеграционной инициативе Транс-Тихоокеанского партнерства). Эта идея получила развитие в виде двух вариантов, которые активно продвигает Пекин: создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и ЗСТ в АТР. Воплощение в жизнь этих идей позволит Китаю стать «архитектором» новых институтов и региональной системы правил в сфере торговли и инвестиционной деятельности, на основе которых будет базироваться будущая региональная экономическая система.

В целом, с течением времени «добрососедская

дипломатия» Китая стала приобретать размах, масштаб и многовекторность. Как показывает развитие событий, предложенные Пекином инициативы планомерно претворяются в жизнь. В частности, учрежден и уже начал функционировать АБИИ, в работу которого Пекину удалось вовлечь 56 стран.

Поступательно реализуются инициатива «Пояс и путь» и субрегиональные проекты, включая 6 экономических коридоров: Китай - Пакистан, Бангладеш - Китай - Индия - Мьянма, Китай - Индокитай, Китай - Монголия - Россия, Новый евразийский континентальный мост, Китай - Центральная Азия - Западная Азия. Приступил к работе Фонд Шелкового пути с уставным капиталом \$40 млрд. В 2015 г. были возобновлены прерванные на три года переговоры о создании зоны свободной торговли Китай - Республика Корея - Япония, завершены переговоры относительно обновленной версии Соглашения о свободной торговле КАФТА, подписано Соглашение о свободной торговле с Республикой Корея.

Представляется, что успешная реализация таких крупномасштабных инициатив, как АБИИ, «Пояс и путь», ВРЭП будет способствовать закреплению за Китаем роли регионального лидера. И в этом смысле можно говорить о том, что «добрососедская дипломатия» нацелена не только на гармонизацию отношений Китая с сопредельными странами, но и на утверждение Китая в роли регионального лидера путем направления региональных интеграционных и иных процессов по китайскому сценарию и в интересах Китая.

Не ограничиваясь задачами расширения дипломатического и экономического присутствия в своем ближнем окружении, Пекин приступил к формированию концептуальных обоснований своей особой (лидерской) роли в регионе, адресованных сопредельным странам. Пекин пытается внушить своим соседям идеи об обусловленности и взаимосвязи «Китайской мечты» с интересами развития и мечтами других народов о национальном возрождении.

В контексте налаживания добрососедских отношений можно рассматривать не только выдвинутую в апреле 2013 г. на Форуме Боао стратегическую концепцию Сообщества общей судьбы, осенью того же года представленную как концепцию Сообщества общей судьбы Китай - АСЕАН [14, р. 27], но и публичное упоминание Си Цзиньпином в сентябре 2014 г. концепции Дэн Сяопина об «Азиатском веке», который наступит только при условии успешного развития Китая, Индии и некоторых других соседних Китаю стран.

На саммите АТЭС в ноябре 2014 г. Пекин обнародовал идею об общей для всех стран региона «Азиатско-Тихоокеанской мечте», заключающейся в стремлении к процветанию и безопасности, созданию условий для этого, а также к тому, что-

бы оставаться в авангарде мирового развития и вносить еще больший вклад в процветание человечества [15]. Позднее Китай начал активно развивать идею Азиатского сообщества общей судьбы. Магистральная идея, лежащая в основе всех этих концепций, состоит во взаимной связи стран региона и необходимости их солидаризации в целях достижения процветания и безопасности (подразумеваемая такую солидаризацию под эгидой Китая).

Задача, которой Пекин руководствуется, выдвигая подобные концепции, - развеять усиливающиеся в своем ближнем окружении с 2007-2008 гг. страхи относительно «китайской угрозы», убедить соседей в том, что возвышение Китая несет процветание всему региону, что желания и мечты стран региона о национальном экономическом развитии могут быть в полной мере реализованы через тесное сотрудничество с Китаем.

ДРУГАЯ СТОРОНА «ДОБРОСОСЕДСКОЙ ДИПЛОМАТИИ»: ДАВЛЕНИЕ НА СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Ввиду существенного усиления к концу первого десятилетия XXI в. мощи Китая (как финансово-экономической, так и военной), Пекин стал не только активно применять экономическое поощрение и иные формы вовлечения стран региона в орбиту своего влияния, но и одновременно все чаще обращаться к прямому и опосредованному давлению на них в случаях, когда ущерб наносился национальным интересам Китая. Действия, которые квалифицируются Пекином как несущие вызов национальным интересам, стали провоцировать китайское руководство на введение экономических санкций или иных форм наказания и принуждения в отношении соответствующих государств.

Нередко решения о предоставлении помощи в Пекине, например, принимаются с учетом политики и действий стран-реципиентов в отношении таких «болезненных» для Китая проблем, как тайваньская, тибетская и уйгурская. Например, в 2006 г. в ответ на нежелание Вьетнама уступить просьбам Китая и исключить Тайвань из списка участников саммита АТЭС в Ханое, китайские власти временно приостановили помощь Вьетнаму [16, р. 86]. И, напротив, после того, как в декабре 2009 г. камбоджийские власти депортировали в Китай 20 уйгуров, бежавших в Камбоджу после июльских столкновений на этнической почве в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, Пекин объявил о намерении инвестировать \$1,2 млрд в инфраструктуру Камбоджи [17]. Более того, к 2012 г. Пекин увеличил свои обязательства по предоставлению помощи Камбодже в виде грантов и льготного кредитования до \$2,7 млрд, что, скорее всего, стало весомым аргументом при принятии Пномпенем на правах председателя

АСЕАН решения о блокировании на состоявшемся в июле 2012 г. саммите АСЕАН совместного заявления, осуждающего действия китайской стороны в территориальных спорах в Южно-Китайском море [18, р. 2].

Экономическое давление со стороны Пекина в полной мере испытывает на себе Япония, территориальные споры с которой в Восточно-Китайском море вспыхнули с возросшей силой в 2010 г. После произошедшего 7 сентября 2010 г. столкновения японского и китайского судов близ спорных островов Дяоюйдао (японское название - Сэнкаку) Пекин прекратил экспорт редкоземельных элементов в Японию, а также объявил об отсрочке переговоров об увеличении числа авиарейсов между двумя государствами и о прекращении обменов визитами официальных лиц на уровне администрации провинций и выше [19, с. 34].

Старт новому витку санкций в отношении Японии был дан в сентябре 2012 г., когда японские власти заявили о принятом решении приобрести в государственную собственность у частного владельца 3 из 5 оспариваемых Китаем, но де-факто контролируемых Японией крупных островов Дяоюйдао, что привело к сильнейшему, с момента установления дипломатических отношений между двумя странами в 1972 г., кризису.

В целях оказания давления на японскую сторону Пекин ввел ряд временных регулирующих мер (в частности, ужесточил таможенные проверки импортируемых из Японии товаров; предпринимались задержки в одобрении рабочих виз японцам; китайским туристическим компаниям было рекомендовано отменить все туры в Японию в период с 1 по 7 октября, на который приходится ежегодный пик китайского выездного туризма, и пр.), приостановил контакты с Японией на министерском и выше уровнях, китайские корабли стали регулярно патрулировать морские пространства близ спорных островов, а китайские самолеты регулярно вторгаться в воздушное пространство Японии.

Подобная модель поведения присуща Пекину и в территориальных спорах в Южно-Китайском море. В целях оказания давления на оспаривающие спорные острова в Южно-Китайском море страны Китай, чье экономическое присутствие в Юго-Восточной Азии уже достигло значительных масштабов, стал все чаще обращаться к методам экономического принуждения или наказания. Наиболее репрезентативным в этой связи можно считать эпизод, произошедший весной 2012 г., когда препятствование со стороны филиппинских военных кораблей навигации китайских рыболовецких судов близ острова Хуаньянь привело к месячному противостоянию военных судов Китая и Филиппин в данной акватории. Пекин, выдвинувший требование вывода филиппинских военных кораблей из спорной акватории, в целях оказания давления на Манилу ужесточил контроль

над импортом фруктов из Филиппин, а также призвал китайских туристов воздержаться от поездок на Филиппины [20]. Аналогичный алгоритм действий наблюдался летом 2014 г., когда на фоне китайско-вьетнамского противостояния с мая по середину июля, вызванного размещением Китаем нефтяной платформы в спорных территориях Южно-Китайского моря, Пекином были введены ограничения на ввоз некоторых вьетнамских фруктов.

В целом, на фоне усиления комплексной национальной мощи Китая наметились серьезные изменения в поведении Пекина в территориальных спорах. Продолжавшаяся на протяжении десятилетия (1997-1998 гг.), китайская политика добрососедства и опоры на «мягкие» методы наращивания влияния в регионе в 2007-2008 гг. сменилась внешнеполитическим курсом, характеризующимся появлением и ростом напористости, а по выражению некоторых экспертов, и «агрессивности» Китая в территориальных спорах с сопредельными странами. Китай, осознав свои существенно укрепившиеся возможности по проецированию силы и влияния, интенсифицировал усилия по реализации территориальных притязаний в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

При этом мероприятия Пекина уже не ограничиваются методами экономического принуждения или демонстративными демаршами и принятием особых административных мер, наподобие обнародования планов развития туризма на спорных островах, создания новых административных единиц с территориальной юрисдикцией над спорными архипелагами, выпуска новых китайских паспортов с изображением карты, на которой спорные острова обозначены как территория Китая, или, наконец, создания специального официального интернет-сайта о Южно-Китайском море. Эти мероприятия включают также расширение масштаба китайского военного присутствия в Южно-Китайском море, а в отдельных случаях даже силовое давление на своих визави.

Символической точкой отсчета в данной связи можно считать июль 2007 г., когда китайские ВМС вновь, как и в XX в., прибегли к военной силе, обстреляв вьетнамское судно, осуществлявшее геологоразведку в районе островов Спратли. С тех пор Китай стал принимать комплексные меры по укреплению своего суверенитета над спорными островами и фактически 80% всей акватории Южно-Китайского моря.

Пекин целенаправленно расширяет масштаб своего военного присутствия в Южно-Китайском море. В частности, на острове Хайнань создана военно-морская база Юйлинь, на контролируемых Китаем островах архипелагов Спратли и Парасельских расширяются полевые аэродромы и военные укрепления, стремительно увеличиваются численность и технические характеристики патрульных судов, курсирующих в Южно-Китай-

ском море близ побережий Вьетнама и Филиппин, регулярно проводятся военно-морские учения в спорной акватории. Китайские ВМС препятствуют рыболовству и освоению нефтегазовых ресурсов спорных территорий Южно-Китайского моря со стороны других государств. С 2014 г. Китай приступил к масштабным работам по намыванию островов в спорных акваториях Южно-Китайского моря и созданию на них обширной военной инфраструктуры.

Вполне закономерно, что резко возросшая с 2007 г. готовность Китая отстаивать собственные интересы в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях обусловила возникновение трений между Пекином и другими заинтересованными сторонами и стала причиной учащения различного рода инцидентов в этих акваториях. Неполный перечень серьезных провокаций и инцидентов в 2013-2016 гг., связанных с территориальными спорами, включает: эпизод с созданием Китаем опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море в ноябре 2013 г.; китайско-вьетнамское противостояние с мая по середину июля 2014 г., вызванное размещением Китаем нефтяной платформы в спорных акваториях Южно-Китайского моря; продолжавшееся с мая 2014 г. по лето 2016 г. китайско-филиппинское противостояние относительно вопроса обращения Манилы к международному арбитражу; в мае и июне 2014 г. большой резонанс получили два случая опасного сближения самолетов ВВС Китая и Японии в воздушном пространстве над Восточно-Китайским морем; с 2014 г. по настоящее время причиной перманентных противоречий в регионе служит факт намывания Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море.

На этом фоне целый ряд стран ЮВА ныне демонстрирует возросшую обеспокоенность в связи с их растущей экономической зависимостью от Китая. В экспертных сообществах Юго-Восточной Азии все чаще раздаются мнения о настоятельной необходимости диверсификации торговых партнеров и искусственного снижения экономической зависимости от Китая.

* * *

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что «добрососедская дипломатия» современного Китая включает два ярко выраженных измерения. С одной стороны, она нацелена на реализацию задачи гармонизации отношений Китая с сопредельными странами на фоне углубления территориальных споров с ними и распространения теории «китайской угрозы», а с другой стороны, преследует цель утверждения Китая в роли регионального лидера путем направления региональных интеграционных и иных процессов по китайскому сценарию.

Как показало развитие событий, «добрососедская дипломатия» Китая, казалось бы, задавшая в

2013 г. положительную динамику развитию контактов Пекина с сопредельными странами, стала давать сбои в случае со странами, с которыми у Китая есть территориальные противоречия. Сочетание поощрительных мер и мер давления в отношении сопредельных стран как отличительная черта «добрососедской дипломатии» Китая или второй волны стратегии «наступление очарования», не кажущееся Пекину взаимоисключающим или противостоящим, в регионе трактуется как одно из проявлений латентной «китайской угрозы».

Очередной виток обострения ситуации в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, обнаружившийся в мае 2014 г. и продолжающийся по сей день во многом по причине ужесточения внешнеполитического поведения Китая, стал свидетельством неудачи второй волны «наступательного очарования»: имидж Китая в целом ряде стран региона продолжает падать, а страх перед усиливающимся восточноазиатским соседом -

увеличиваться. Китай, между тем, даже на фоне крепнущих опасений стран региона относительно возрастающей «китайской угрозы» не намерен делать уступки в этих территориальных спорах, надеясь посредством экономической и публичной дипломатии нивелировать растущие опасения сопредельных стран.

Таким образом, на текущем этапе, когда происходит совмещение поощрительных мер (в русле экономической и публичной дипломатии) с противостоящим им подходом к развитию отношений с сопредельными странами, заключающемся в оказании давления на соседей в территориальных спорах (равно как и в иных вопросах, где позиции сторон диаметрально различаются), «добрососедская дипломатия» не приносит Китаю искомым результатов гармонизации отношений с соответствующими странами, обеспечения благоприятного ближнего окружения и, в широком смысле, утверждения Китая в роли регионального лидера.

Список литературы/References

1. Shi Yinong. "Triumphalism" and Decision Making in China's Asia Policy // Economic and political studies. 2013. Vol. 1, № 1, pp. 107-119.
2. Yuan Peng. China's Grand Periphery Strategy // Contemporary International Relations. 2013. Vol. 23, № 6, pp. 59-62.
3. Yan Xuetong. Diplomacy should focus on neighbors // China Daily. 27.01.2015 - http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2015-01/27/content_19414348.htm (accessed 10.07.2016)
4. Ji Zhiye. China's Neighboring Diplomacy Demands Top-Level Design // Contemporary International Relations. 2013. Vol. 23, № 6, pp. 1-4.
5. Li Xiangyang. China's Neighboring Strategy Goals and Challenges // Contemporary International Relations. 2013. Vol. 23, № 6, pp. 71-75.
6. Military and security developments involving the People's Republic of China 2016 - <http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016%20China%20Military%20Power%20Report.pdf> (accessed 01.07.2016)
7. Wu Zhicheng. Strategic Planning for its Neighboring Diplomacy // Contemporary International Relations. 2015. Vol. 25, № 2, pp. 62-65.
8. European Commission Trade - <http://ec.europa.eu/trade/> (accessed 07.06.2017)
9. Statistical bulletin of China's outward foreign direct investment, 2010, pp. 36-37, 42-43 (In Chin.) - <http://images.mofcom.gov.cn/hzs/accessory/201109/1316069604368.pdf> (accessed 21.03.2015)
10. Foreign direct investment net inflows to ASEAN from selected partner countries/regions, as of 05 October 2016 - http://asean.org/storage/2015/09/Table-26_oct2016.pdf (accessed 06.06.2017)
11. Lum Th. China's assistance and government-sponsored investment activities in Africa, Latin America, and Southeast Asia. Washington, DC, 2009.
12. Financial cooperation between China and ASEAN is deepening // Renmin Ribao. 4.01.2010 - <http://russian.people.com.cn/31518/6858184.html> (accessed 01.08.2016)
13. Phuong Nguyen. China's Charm Offensive Signals a New Strategic Era in Southeast Asia. 17.10.2013 - <http://csis.org/publication/chinas-charm-offensive-signals-new-strategic-era-southeast-asia> (accessed 18.02.2016)
14. Di Kun. China's Neighboring Strategy: continuity and innovations // Contemporary International Relations. 2013, № 10, pp. 26-28 (In Chin.)
15. Chinese president proposes Asia-Pacific dream // Xinhua. 9.11.2014 - http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-11/09/c_133775812.htm (accessed 06.06.2017)
16. Lum Th. Comparing global influence: China's and U.S. diplomacy, foreign aid, trade, and investment in the developing world, 15.08.2008 - www.fas.org/sgp/crs/row/RL34620.pdf (accessed 06.06.2016)
17. Beijing's moneyed advance on Southeast Asia // CBCNews. 8.03.2010 - <http://www.cbc.ca/news/world/story/2010/03/05/f-china-economic-muscle.html> (accessed 11.06.2016)
18. Reilly J. China's economic statecraft: turning wealth into power. Sidney, 2013.
19. Портяков В. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009-2011 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 27-42. (Portyakov V. 2012. Some Features of the PRC Foreign Policy, 2009-2011 // Problemy Dalnego Vostoka. № 2) (In Russ.)
20. All Chinese tour groups that are now in the Philippines have to leave that country by May, 16th // Renmin ribao. 14.05.2012 - <http://russian.people.com.cn/31521/7815567.html> (accessed 13.07.2016)